

1 ДЕКАБРЯ Магнитогорскому отряду милиции особого назначения исполняется пятнадцать лет. За эти годы бойцы 15 раз побывали в командировках на Северном Кавказе. В августе вернулись из очередной поездки в горячую точку, которая, если верить официальным данным, уже «остыла», однако участвовавшие сообщают о терактах свидетельствуют обратное.

За годы службы Магнитогорский ОМОН прошел через многие испытания: захват вооруженных преступников, войну в Чечне, потерю боевых друзей. Семеро сотрудников награждены орденами Мужества посмертно, многие из бойцов имеют медали «За отвагу», «За отличие в охране общественного порядка», «За заслуги перед Отечеством». Героический милицкий отряд хорошо известен среди спецподразделений страны. Накануне его дня рождения состоялся разговор с командиром ОМОНа подполковником милиции Сергеем КОВЕЛИНЫМ.

– Какими путями вы шли к своей профессии – защищать Родину?

– О профессии военного мечтал с детства. Пытался подавать документы в суворовское училище, едва не стал курсантом Пермского училища внутренних войск, но не сложилось. Срочную службу проходил на флоте. После армии работал милиционером патрульно-постовой службы в Правобережном райотделе, дорос до командира взвода. Именно там получил первое профессиональное крещение: был одним из тех, кто участвовал в поимке серийного убийцы Гридина. В ОМОН пришел в 1995 году, спустя два года после образования отряда. За эти годы окончил заочную Нижнетагильскую среднюю специальную школу милиции, Челябинский юридический институт. Учеба пришлась на 90-е годы. Тогда не было интернетских купленных дипломов, учился сам, за книжками ночами сидел.

– Изменились ли за годы существования службы приоритеты в работе спецподразделения?

– Безусловно. Милиционер-боец – это силовая составляющая в борьбе с преступностью. Наше поле деятельности – террористы, организованная преступность, освобождение заложников. Для государства накладно, если высокопрофессиональный боец будет задерживать граждан, справляющих нужду в непохожем месте. Отряды милиции особого назначения – это оперативный резерв министра внутренних дел. Мы выполняем задачи федерального значения, но не меньше внимания уделяем и борьбе с преступностью «местного значения».

– Бойцы считают отряд своей второй семьей. Как удается поддерживать высокое чувство коллективизма?

– Мы свято чтим традиции. А это, прежде всего, память о погибших товарищах: семеро наших бойцов, сложивших головы в Чечне, навечно занесены в списки отряда. Ежечасная забота о семьях и престарелых родителях, потерявших сыновей, – наш святой долг. Приглашаем их в отряд на все праздники, устраиваем чаепития, поздравляем всех членов семьи с днем рождения, не оставляем без внимания ни одну просьбу о помощи.

– Забота о семьях погибших – важная составляющая жизни отряда. Понимая, что помощь должна быть молчалива, тем не менее, прошу побольше конкретики.

– Все семьи получают пенсию по потере кормильца, это чуть больше трех тысяч рублей. При нынешних ценах – копейки. А помощь больным старикам требуется ежедневная. Два года назад родителям погибшего Станислава Желобецкого, которые живут в Фершампенуазе, помогли провести отопление. Постоянно опекаем семью Виктора Майорова. Видели бы вы их жилище в поселке Еленинка – мазанка! Мы пытались достучаться до властей: писали мэру города Карталы, обрабатывали в

Остаться в живых

Память о погибших бойцах ОМОНа жива нашими делами

область. Все без толку. Телефон провести – и то руки не доходят.

Совсем одни остались старики Бикмамметовы: Идгар погиб, в прошлом году умерла дочь. 70-летняя старушка сломала тазобедренный сустав, перенесла инсульт, лежала парализованная. Мы договаривались с медсанчастью комбината о бесплатном обследовании, лечении. Спасибо за помощь и человеческое участие Марине Шеметовой. Активная поддержка помогла поднять на ноги Светлану Сулеймановну.

Мать Евгения Ефимова живет в ЖОСе, отец – в Агаповке. Они развелись, когда Евгений был чуть ли не младенцем. Его отец, подполковник юстиции в отставке, тоже получает пенсию за сына, но иногда обращается к просьбам о помощи.

Наша забота необходима родителям Рината Шигабутдинова, она тоже осталась одна. Оказали посильную помощь при обустройстве жилья Татьяне Шерстневой.

Договорились, чтобы из Златоуста в отряд привезли кедр. Родители Андрея Саратова очень хотят посадить дерево на могиле сына. Чтобы забота была постоянной, за каждой семьей погибших бойцов закрепили офицеров, которые помогают по мере сил и возможностей.

– Мизерная пенсия не решает проблем одиноких стариков. Даже ваше горячее участие иногда не в силах пробить бюрократические препоны. Можно ли найти выход?

– Необходимо создать благотвори-

тельный фонд. В Екатеринбурге, например, есть такая региональная организация. Прибыл два года назад к нам их посыльный Виталий – бывший ОМОНовец, ветеран боевых действий в Чечне. «Знаем, что у вас в отряде погибли ребята, – говорит он и вытаскивает 50 тысяч рублей, – раздели между семьями». Дело было перед Новым годом, мы тоже приготовили подарки. Я попросил Виталия лично вручить деньги. Вместе с нашим замполитом они побывали в каждой семье. К

нашему продовольственному набору прилагалось по семь тысяч рублей от регионального фонда.

– Почему бы пенсионерам магнитогорского ОМОНа не взяться за организацию такого святого дела, как фонд помощи?

– Желание есть, но пока нет возможности: пенсионеров мало – и 20 человек не наберется. Хотя все они хорошо зарабатывают и «на гражданке» сделали успешную карьеру. Бывшие ОМОНовцы «на веревках и шлагбаумах» не стоят.

– Служба в спецподразделении предъявляет особые требования, и не каждый сотрудник им соответствует. Часто ли приходится подписывать рапорт на увольнение?

– Не часто, но приходится. На сегодня в отряде чуть больше ста человек. Знаю, что после нынешней командировки подадут рапорт те, кто понял – тяжелая военная работа не для них. Но костяк всегда остается. Для них уход из отряда, особенно по-

сле трагедии 2000 года, равносителен предательству. Не могут они оставить дело, ради которого погибли товарищи. Я пошел против воли семьи и остался, потому что не вправе предать людей, которых вывозил из Чечни. Не смог бы я лежать в гамаке на Канарах, зная, что в это время мои друзья несут тяжелую службу.

Были и такие, которые после командировки увольнялись из отряда, заключали контракт и возвращались в Чечню: не нашли они себя в мирной жизни. Там отношения бескомпромиссные: есть слова «нет» или «да». Неопределенное «может быть» война не приемлет. Такая жесткость иногда переносится на социум, семейные отношения и, порой, рушит семьи.

– Упали и отжались?

– Бывает и так. Но есть примеры иного рода. Сотрудник златоустовского ОМОНа после первой чеченской кампании ушел в священники, в настоящее время у него свой приход. Один из бывших сослуживцев ушел учиться в духовную семинарию.

Не раз бывая в командировках, скажу: после месяца-двух наступает странное ощущение: ты был здесь всегда, и там, в мирной жизни, у тебя ничего не осталось.

– Главная задача для человека в погоне – выполнить приказ. А если требование начальства вступает в конфликт с вашей совестью?

– Есть наглядный пример неповиновения: один из ОМОНов. 20 августа 1996 года нас подняли по тревоге, через три дня загнали «в борта». Тогда со всей России в Чечню «слетелось» 30 омоновских отрядов. Все ждали результатов по ультиматуму, который предъявил боевикам командующий группировкой российских войск в Чечне генерал Пуликовский: в течение двух дней сдать оружие и покинуть Грозный. В Моздоке мы «лежали» на взлетке и видели, как один за другим приземлялись «борта» с омоновцами. Все ждали команды на штурм. Боевики, зажатые в кольцо, были обречены. И когда до полной победы остался один бросок, вдруг прилетел генерал Лебедь и всех «заморил». Считают, он прекратил войну, но военные его еще больше не любят, чем мы, милиционеры. Хотя, не поступил такой приказ, может, и не разговаривал бы я сейчас с вами.

На замену боевых перекинули свежие отряды. Я видел, как выходил питерский ОМОН: грязные, оборванные, в крови и горелой одежде. На вертолете нас забросили в Аргун, создали совместные комендатуры, в состав которых вошли «раскаившиеся» боевики. В первый день нам выпало нести службу с радеувцами – убийцами, за плечами которых был Кизляр, селение Первомайское. Приказ мы выполнили, а упомянутый ОМОН – отказался. Впоследствии их отряд за отказ выполнять боевую задачу расформировали.

– Как удалось пережить ту командировку?

– Наш и радеувский посты отделил мост. Темнело. Вижу, машут мне «союзнички». Оставляю свой автомат, беру табельный пистолет, иду на переговоры. Снайпера Костю предупредил: если что – сначала вали его. Встретились. Спрашиваю радеувского парламентаря: «Как будем ночевать?» Отвечает, что стрелять они не собираются. «Попробуйте», – говорю, – нас тут 40 человек, и живыми мы не сдадимся». У боевика из-под майки виден волк – эмблема боевиков, на плечах татуировка зоновских погон. Спрашиваю его: «За что воюешь? Я выполняю долг, присягу. А ты?» – «А я просто мусоров мочу, семь лет отсидел за неосторожное убийство». На том и разошлись.

На следующий день приехал один из руководителей объединенной группировки федеральных сил в Чеченской республике и с ним так называемый командующий Юго-Западным фронтом республики Ичкерия – матерый боевик. Построили нас и приказали: службу нести по разным сторонам проезжей части. Отделяло нас 12 метров. Так и стали жить. Без «духовского» сопровождения по городу – ни шагу. Полная зависимость: воду, хлеб, дрова, продукты – все через них. Тогда и мысли ни у кого не было, чтобы документы на награждение отправить. Главное – выжить.

После той страшной командировки у меня, как у штабс-капитана Овечкина, был нервный тик, дергалась щека. Спасибо комбинату: выдали путевки в санаторий, и мы всем отрядом отравились на Банное.

– На войне атеистов нет. А вы, Сергей Эдуардович, верите в рок, судьбу?

– Я – православный, окрестился в 33 года. Это было в 2000 году перед командировкой в Аргун. За несколько минут до взрыва пошел в баню. Еще посмотрел на огромный «КамАЗ» перед въездом – не протолкнешься. Дошел до бани и хватился: нет ни жетона, ни креста. Хотел было вернуться, потом передумал. В этот момент и рвануло. Тяжелее тех часов, когда мы, разбирая завалы, искали убитых и раненых, в моей жизни не было... Ни жетона, ни креста я так и не нашел, а в случайности я не верю...

– Командир отряда, кроме боевых, обязан решать и хозяйственные задачи. Как справляетесь с бытовыми вопросами?

– В течение десяти лет не могли оформить землю, на которой дислоцируется отряд. В Москве трижды «терjali» наш пакет документов. Только после обращения к депутату Госдумы вопрос решили. Необходимо дальше обустроить территорию: создавать штурмовую полосу и спортзал, отвечающие нашим задачам. Есть проблема с хранением взрывчатых веществ. Нужно переоборудовать гараж для спецтехники, который отапливается электричеством. Это перспективы ближайшего будущего. В России 121 ОМОН, и у каждого свои проблемы. Наш генерал Владимир Горшукوف по мере возможности их решает, но это дело времени.

– Как с квартирным вопросом?

– Никак. Банки даже в хорошие годы не давали нашим бойцам кредитов. Слишком велик у бойцов ОМОНа риск «утраты жизни». Это общероссийская практика: убий – и не с кого спросить.

– Сколько платят за опасную работу?

– С 1 октября повысили денежное довольствие. Рядовому бойцу за первый год службы определен оклад 12 тысяч рублей. От пяти до десяти лет – 15500 рублей. Боец, отработавший более десяти лет, получает чуть больше 18 тысяч. Разговор идет о младшем начальствующем составе. За полугодовую командировку рядовой боец имеет около 45 тысяч.

...Тринадцать лет назад, когда я пришел в ОМОН, меня спросили: «Что хочешь? Денег? Не получишь. Удачи? Может, найдешь, может, нет». Не удачи и денег я искал. Для меня служба в отряде – это системная работа. Это коллектив, традиции, друзья и те, что есть, и те, чьи имена на обелиске. Это долг перед семьями погибших. Память о них жива нашими делами ☹

ИРИНА КОРОТКИХ
ФОТО > АНДРЕЙ СЕРЕБРЯКОВ

Семеро парней, сложивших головы в Чечне, навечно занесены в списки отряда